

тивно решать проблемы. Еженедельно обсуждаются текущие вопросы на онлайн-совещаниях.

Объединение районных газет в единую структуру дало определенные преимущества, которые отмечают практически все руководители подразделений ОГАУ: стабильное финансирование, тесное общение друг с другом (профессиональный рост) и независимость от районной власти.

К положительным результатам можно отнести и экономический фактор: увеличилась зарплата журналистов, в некоторых газетах в два раза, активно пишущие журналисты имеют возможность хорошо зарабатывать на гонорарах; и организационный: теперь сотрудникам районных газет не надо заниматься бухгалтерией (она централизована), не надо думать о бензине, скрепках, лампочках, сделан приличный ремонт в офисах.

Тем не менее, однозначно судить о результатах проведенной реорганизации сложно, ведь объединились не только газеты разного профессионального уровня, но и разного (весьма существенно разного) финансового благосостояния. И раньше, и сегодня пестовская «Наша жизнь» зарабатывает на рекламе почти на уровне областной газеты, «Окуловский вестник» стабильно окупает свое содержание. Они, конечно, не выиграли в деньгах, став подразделением, утратили самостоятельность в расходовании своих средств. Но взвесив все «за» и «против», руководители этих газет говорят, что «однозначно ответить на вопрос о желании жить самостоятельно сегодня пока невозможно», «в самостоятельное плавание уже не выйти, как думается, большинству районов», «без инвестиций учредителя газете будет сложно существовать».

И, думается, причина пессимизма – не только и не столько в форме хозяйственной деятельности. Район-

ные газеты первыми ощутили на себе кризис печатных СМИ. Молодой читатель уходит в интернет, молодой талантливый журналист – на телевидение или опять-таки в интернет-издания. Едва ли не в половине газет, входящих в состав ОГАУ «АИК», работают только пенсионеры и люди предпенсионного возраста. ОГАУ готово оплачивать обучение на отделении журналистики НовГУ, но желающих заключить контракт не находится.

Среди журналистов кто-то называет ОГАУ модным словом «холдинг», кто-то уничижительно – «колхозом», хотя ни то, ни другое наименование не отражает сущности того, что было сделано за прошедшие годы.

Районные издания Новгородской области насчитывают уже 80–100 лет своего существования. Это большой путь, отразивший все перипетии социально-политических перемен в стране, и важный опыт, который заслуживает изучения, так как, несмотря на кризис печатной периодики, районные издания востребованы, у них есть перспектива развития.

Литература

1. Методологические основы изучения региональной печати / Под ред. Я.Н. Засурского. М., 1993.
2. Воронова О.А., Реснянская Л.Л. «Выжить нельзя умереть». Перспективы районной газеты. Где поставить запятую? // Журналистика и медиарынок. 2003. №3. С. 16–20.
3. Касютин В.Л. Газета города и района: технологии успеха: практические рекомендации с 40 приложениями. Краснодар, 2005.
4. Витушкин С. Административно-территориальное деление Новгородской области в 1900–1996 годах. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://russa.narod.ru/russa/002.htm>. Дата обращения: 5.09.2013.
5. Соколинский З.С. Выходит в районе газета. Л., 1977.

УДК 82-4; 908

Т.П. Шастина

Горно-Алтайский государственный университет

ГОРНЫЙ АЛТАЙ В ОЧЕРКАХ СТОЛИЧНЫХ ЖУРНАЛИСТОВ 1920-Х ГОДОВ: ОПЫТ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ОКРАИНЫ

В статье реконструируется образ советской Ойротии как пример литературного воображения национальной окраины (советского Востока) 1920-х годов. Сопоставляются очерки М. Шкапской, З. Рихтер, Д. Стонова, изданные в 1930 г. Позиция столичных журналистов соотносится с локалистской оценкой их произведений, данной в книге партийного функционера П. Гордиенко «Ойротия» (1931), обвинившего авторов в аполитичности.

Ключевые слова: Ойротия, очерк, географические образы, национальная политика.

Shastina Tatiana P.
MOUNTAIN ALTAI IN the ESSAYS of METROPOLITAN
JOURNALISTS of the 1920s: Experience in representing the
national margin

The image of Soviet Oirot is reconstructed in the article as an example of the literary imagination of the national outskirts (Soviet East) 1920-th years. Compares the essay of Shkapskoy M., Z. Richter, D. Stonov published in 1930. The position of capital's journalists is correspond with localist evaluation of their works which given in book «Oirot» (1931) of a party functionary P. Gordienko, who accused the authors in indifference to politics.

Keywords: Oirot, the feature article, geographical images, national policies.

В ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ существования СССР средствами массовой информации интенсивно формируется образ «советского многонационального государства», идеологически направленный против комплекса российских имперских мотивов и сюжетов – «в эпохи скачков старина и новизна демонстрируют взаимную враждебность и настаивают на несовместимости» [1]. Вполне закономерно, что «новая» Сибирь, инородцы которой после 1922 г. получили те или иные формы национально-территориальной автономии, привлекает внимание столичных журналистов. Примером воображения дикой экзотики национальной окраины может служить образ Ойротии (Ойратии) – автономной области, созданной на юге Сибири, в Горном Алтае. Со времен Г.И. Спасского в журналистике за этим уголком Сибири закрепилось устойчивое представление как о Сибирской Швейцарии [2]. Таковое можно считать базовым для презентации данной территории в векторе «центр – окраина». В идеологическом векторе рассматриваемой эпохи для этой территории важны два определителя: национальная политика («в 20-е годы эта политика поддерживала этнофилию» [3. С. 426]) и коренизация (ойротизация).

Объектом нашего рассмотрения стали вышедшие в 1930 г. очерки журналистов Зинаиды Рихтер «В стране голубых озер (очерки Алтая)» [4], Дмитрия Стонова «Повести об Алтае» [5] и Марии Шкапской «Сама по себе» [6]. Поводом для их группировки послужили негативные оценки Петра Гордиенко, ойротского партийного секретаря, автора книги «Ойротия» [7]. Гордиенко обвинил целый ряд исследователей, писателей (и в том числе названных журналистов), опубликовавших свои труды о Горном Алтае в период с 1922 по 1930 г., в аполитичности, в великодержавном шовинизме, в поверхностности взглядов. Порицая предшествующую научную алтаиану за «цинично-презрительное отношение» к изучению истории национальных меньшинств [7. С. 10], утверждал приоритетность собственного открытия «неизведанного края». Борясь с великодержавным шовинизмом, он, не стесняясь в выражениях, описывает *старое* отношение русских к ойротам (используется именно этот этноним): «Татаршики», – шипел надменный сифилитик, пропойца, великодержавный мироед, пиявкой присосавшийся к телу побежденной нации. «Инородцы!» – хрипел свиноподобный, тупой и бездарный чинуша. «Нехристи!» – ехидно хихикая, вторил «наместник бога», русский поп-миссионер» [7. С. 16]. Соответственно, *новый* – советский – взгляд

должен был содержать некие диаметрально противоположные понятия (ойроты – равные среди равных – атеисты).

Из трех названных нами журналистов первой в Горном Алтае побывала Мария Михайловна Шкапская (1891–1952), ее очерк датирован июлем 1926 г. К тому времени в журналистике она была еще практически новичком – только в 1925 г. известная поэтесса перешла на эту стезю и стала вести в ленинградской «Красной Нови» отдел «По Советскому Союзу», сотрудничала в «Правде» [8]. Свою задачу Шкапская формулирует так: увидев страну «деятельной и трудолюбивой, в ее героических буднях – такую и показать ее другим» [6. С. 5]. В предисловии к книге акцентирована мысль об эпохальности происходящего, об уплотнении времени, описанное – это уже «вчера», это уже фон, на котором отчетливо выступают «контуры сегодняшнего». Журналистка предвидит обвинения в промахах и преувеличениях, она знает, что «прикоснуться к горячему лбу современности и остаться холодным, сохраняя способность правильных оценок, – задача затруднительная» [6. С. 6]. В конце предисловия указано, что журналистские записи были систематизированы и откорректированы с помощью К.И. Чуковского. В.А. Десницкого, А.Г. Горнфельда.

По Горному Алтаю Шкапская проделала довольно короткий путь (от Бийска на Улалу – Туньжу – Чемал) в сопровождении колоритных спутников: ямщика Михайлы (человека «фордовского типа», что в контексте равносильно алтайскому кулаку) и грамотного проводника – алтайца Кумандина. В описание пути от Бийска (ближайшей железнодорожной станции) до Улалы, столицы автономии, вместились несколько топонимических легенд (вполне традиционный набор для описания Горного Алтая, нашедший отражение в наиболее полном дореволюционном описании Горного Алтая [9. С. 193–224, 253–272]). Из малоизвестных (и по сей день) фольклорных сюжетов, приведенных в очерке, можно назвать объяснение алтайского названия цветка купальницы (по-сибирски *огонька*): «кричащими пламенными пятнами – красавица солнечная сноха, которую, по старым преданиям, преследует своей неотступной незаконной любовью старый снохач – солнце» [6. С. 278] и исторические предания о Бюджее и Эрюлдее, которые современные фольклористы публикуют лишь в записях 1985 г. [10. С. 360–367].

К общим для горно-алтайского травелога местам в описании Шкапской относятся выражения типа «край непуганых птиц», «край, где золото буквально топчут ногами» [6. С. 271]; к областнической традиции – сочувственное отношение к «туземцам», обреченным на вымирание (о гиперболичности последнего утверждения писал историк Г.П. Самаев [11. С. 177]). В соответствии с формулой «угнетенные нации» она заключает: «Не было такого издевательства и надругательства, которые не применялись бы по отношению к алтайцам как русскими властями, так и особенно русскими купцами» [6. С. 272].

Этнофилия доводится Шкапской до идиллии: «Ойраты – народ кочевой, номады, – скитаются со своими

бесчисленными косяками по немерянным, так называемым альпийским лугам Алтая» [6. С. 274]. Они занимаются собирательством, кедровым промыслом, сплавом леса в своем «благодатном», «райском краю», и ждет этот край своего часа, чтобы расцвести (разумеется, в братской семье советских народов). В принципе, в Ойротии кочуют все: «кооператоры за пайщиками, скотопромышленники за скотом, книгоноши за читателями ..., музыканты за мелодиями старинных песен, художники за алтайскими пейзажами и типами ..., новые Кириллы и Мефодии – за учениками» [6. С. 273].

Темноте и беспросветности старой жизни противопоставляется свет знаний. Столичной журналистке интересно, что специфическими носителями такого света в Горном Алтае стали сложившиеся сан люди «духовного звания», оказавшиеся в «первых рядах революционных и общественных работников» [6. С. 276]. Она поясняет: столица Ойротии – деревня Улала была до революции миссионерским станом. В описании столицы, «маленькой деревеньки», на первом месте «грязь непроходимая», затем электростанция, телефон, молчащий радиоприемник, квартирный вопрос. Столица – средоточие *новой жизни*. Соответственно, *старая жизнь* притаилась где-то в глубинке. И вот в сопровождении выпускника миссионерской школы Шкапская едет верхом в деревню Туңжу, к местному шаману. Собственно национальную специфику журналистка показывает через небольшой набор этнографических описаний. К этнографии добавляются реалии: 85% коренного населения больны сифилисом, 100% страдают от трахомы.

Природной роскоши Горного Алтая, описанной в духе очерков Н.М. Ядринцева («Странник на Золотом озере»), противопоставлены «великая пустота и безмолвие – словно человек еще не родился в этих первобытных краях» [6. С. 278]. Здесь, в глубинке, все другое – «покой древней расы. Покой азиата». Преодолевая брезгливость перед бытовой неопрятностью, путешественница входит в алтайские жилища-аилы, пьет из общей чашки молочную водку-араку, ведет разговоры о жизни и начинает сама агитировать за советскую власть. Шкапская остается в пределах мотивного комплекса, предписанного жанром «большого путешествия малых народов» [12. С. 329–343]. Укажем на мотивы обожествления Ленина, угнетенной женщины Востока, первобытности, светлого пути («великого кочевья»), реализованные в ее «феерическом путешествии в страну старых преданий» [6. С. 286].

Примером новой, светлой жизни становится в очерке курортное местечко Чемал – «русский Давос»: «Неожиданное, почти сказочное явление: европейский дом, площадки, расчищенные для тенниса. Верховые лошади в поводу у проводников, белые кофточки девушек и на балконе – разговор о Сейфуллиной и Бабеле» [6. С. 287]. Реалия советской национальной окраины в этом курортном месте – школа-интернат, где заведует бывший миссионер. Интернатовцы уже видят в мечтах новый Алтай – он оживает на детских рисунках и

вышивках, его символика – «лампочка Ильича» и серп и молот – практически в каждой творческой работе. На этой оптимистической ноте заканчивается очерк, идеологически заклеенный Гордиенко. Поскольку журналистка нигде не говорит о руководящей роли партии в процессе коренизации ойротов (алтайцев), не показывает их трудовой героизм, не цитирует постановления и директивы по национальному вопросу, то ее видение Горного Алтая Гордиенко определяет как «барско-презрительное» отношение чужака к наблюдаемому быту ойротов» [7. С. 6]. Журналистка же свою задачу считает решенной – создана реалистическая картина той почвы, на которой произрастет «светлое завтра» Ойротии, предполагается, что к моменту публикации книги оно уже произошло.

Книга Зинаиды Владимировны Рихтер (Рихтер-Дуровой, 1890–1967), известной путешественницы-журналистки, названной позднее «бабушкой известинского репортажа», решает задачу привлечения внимания к этой «дикинно богатой, но мало исследованной окраине СССР» путем создания целостного представления. Красной нитью проходят через нее мотивы машины времени и кругосветного путешествия. Можно утверждать, что идея книги была навеяна трудами В.В. Сапожникова, в частности, его утверждением «быть на Алтае только туристом – слишком роскошно для туриста и слишком мало для Алтая» [13. С. 1]. Рихтер выбирает скрытый от глаз туристов Алтай, «географически своеобразную и разнообразную страну» («общее для всего Алтая – лишь синий, прозрачный, душистый воздух» [4. С. 6], которую населяют ойроты – алтайские тюрки, бурханисты, шаманисты, старообрядцы, едет в его самые отсталые районы. Впечатления о поездке даны в форме записок корреспондента. Пройдя за пять месяцев путь длиной почти в 2,5 тыс. км в основном верхом по бездорожью, от прителицкой черни к высокогорной Чуйской степи, столичная журналистка собрала массу информации. Совершенно очевидно, что критиковавший З. Рихтер Гордиенко ее книгу не читал, иначе не назвал бы ее «бессодержательной и гастролерской», «нагромождением поверхностных переживаний и наблюдений в короткой поездке по Алтаю» [7. С. 6]. Скорее всего, негативная реакция была предопределена довольно серьезными указаниями на промахи и упущения советских руководителей.

Содержание «Страны голубых озер» составляет весьма солидный свод исторических, этнографических и географических знаний о Горном Алтае. Исходный тезис о разнообразии Горного Алтая развернут подробными очерками, посвященными Улаганскому, Кош-Агачскому, Усть-Коксинскому районам (аймакам). Каждый ойротский аймак – это целая страна со своими нравами и обычаями, со своими знаковыми фигурами и событиями. Нравы местных жителей даны в собирательных портретах: проводник, лодочник, плотогон, агитатор, золотоискатель, кам (шаман) и – поразительно для того времени! – вовсе не угнетенная женщина Востока. Для характеристики современного алтайца

как этносоциального типа избран проводник Амыр-Сана. Его восточность подчеркивается фактом многоженства (что вовсе не характерно для алтайцев). Он, как и Михайла в очерке Шкапской, коммуникабелен, развит, колоритен, везде бывал и все на Алтае знает – этакая смесь из героев Фенимора Купера и Джека Лондона. В уста Амыр-Саны журналистка вкладывает рассказ об алтайском пантеоне, об устройстве алтайской вселенной. Тип старовера создан в образе столетнего кержака Матвея Огнева. Этнографически колоритна фигура кама (шамана), но образ иронически снижен деталями описания его повседневного летнего занятия – выгонки молочной самогонки-арачки (коровий помет, использующийся для придания герметичности примитивному аппарату).

Профессиональный взгляд журналистки выхватывает из потока повседневной жизни Ойротии идеологически значимые факты и явления, позволяющие увидеть пусть слабые и кривые, но настойчиво пробивающиеся ростки новой жизни (они фиксируются за фото-снимками). Если в эмоционально-поэтическом очерке М. Шкапской Горный Алтай – это безмятежный покой древней расы на фоне природного рая, расы, позволяющей вести себя в новую жизнь, то в эпохально-историческом очерке З. Рихтер – искрящее столкновение *старого и нового* под бдительным оком ГПУ, где местные еще не пригодны к работе в современных условиях, а приезжие не знают местного языка, чтобы такую работу вести; где сохранились скиты раскольников и бесчинствуют лихие контрабандисты на монгольской границе, где самоотверженные агитаторы и шаманы борются за души немногочисленного населения; где бродят стада экзотических яков-сарлыков и караваны верблюдов, а многочисленные научные и киноэкспедиции вкупе со столичными журналистами активно все это изучают.

Женскому журналистскому взгляду на Ойротию противостоит взгляд Дмитрия Стонова (Дмитрия Влодавского, 1892–1962), с 1925 г. корреспондента «Известий», сотрудника «Гудка» и «Труда». Его очерки репрезентируют территорию и ее коренное население с позиции столичного наблюдателя (и даже подглядывателя), европейца, живущего в другом (московском) времени. В книге фиксируется момент въезда в Ойротию (по мысли Стонова, это уже не Сибирь) как отрыв от всего европейского, символически завуалированный всепроникающей пылью («Трактат о пыли»), и момент выезда, но уже в другую сторону, в Казахстан – яркий, отчетливый горный пейзаж понятого автором Горного Алтая («Прощание с Алтаем»). Основной корпус очерков не привязывается к маршруту движения журналиста по автономии (специфике собственно передвижения по горной местности посвящен очерк «Сидя на коне, я срываю пионы»), а подчиняется задаче показа стратегических направлений реализации национальной политики: переход на оседлость ойротов-кочевников, борьба с темнотой и пережитками (шаманизм, бурханизм, старообрядчество), ойротизация, борьба с пьянством и болезнями. Мысль о том, что успех в этой работе может обеспечить только

комплексный подход, высказывает бродячий ликвидатор безграмотности («Трое»). В «Повестях об Алтае» более отчетливо, чем в книгах Шкапской и Рихтер, видна идеологическая составляющая, определяющая систему оценок: *новое* – хорошо, *старое* однозначно плохо, оно должно быть «уничтожено, растоптано, выжжено, обречено на слом» [5. С. 33]. Стонов всеми силами старается отмежеваться от внедренных в прессу «подхалимами, лакировщиками, холюями» жанровых схем (где «по стайному пути расставлены барабанщики, фанфаристы, чудо-богатыри и чудо-герои» [5. С. 95]), от образов, «сделанных из жести и аляповато выкрашенных в кумачовый цвет» [5. С. 97].

Основное внимание журналиста сосредоточено на ойротизации, т.е. на тех усилиях центра и его представителей на местах, которые должны сделать советскую власть «своей», «родной» для коренного населения Алтая – «классической страны неграмотности» [5. С. 22]. Используя риторику культурной отсталости, Стонов описывает «быт, которого не должно быть» народа, который «столетиями находился в бесправии и неволе», «забытого народа», «суровую и неприветливую жизнь алтайца», не преминув уточнить, что внешне алтаец отличается от европейца монголоидностью. Традиционно для советской восточной тематики примером старой «бесчеловечной» жизни служит женщина (Кондеева Бобош), взрослой девушкой отданная замуж за пятилетнего ребенка. Описание ее аила, одежды и быта этнографично. Соответственно, угнетенной женщине противопоставляется женщина раскрепощенная, например, комсомолки или «ялагатки» – делегатки, «представительницы женских масс, борцы за женское равноправие, за культуру, за грамоту»; «они нисколько не отличаются от студенток-восточниц, которых можно встретить на улицах Москвы» [5. С. 39]. Трогательный пример – девушка-алтайка, каждое утро пробегающая по всем аилам молодой коммуны «Ленин-маатыр» (Ленин-богатырь), чтобы проверить, умывались ли их обитатели («В коммуне – остановка»).

Стонов досконально старался изучить особенности местных промыслов: охота («Триста шестьдесят тысяч хвостов»), сбор кедровых орехов («За орешками») и такого экзотического занятия, как выращивание маралов («День в маральнике»), снабжая очерки о таковых множеством подробностей и тонких наблюдений (чего стоит, например, описание срезки пантов маралов). Он решается и на натуралистическое описание камлания с жертвоприношением коня, бесстрастно описывая процесс распрятия живой лошади, ее удушения, а затем поедания жертвенного мяса («Боги, божества, духи, посредники»).

Продемонстрировав знание древней и новейшей истории Горного Алтая – Ойротии, внимание ко всем проявлениям национальной жизни алтайцев, понимание идеологических задач современности, Стонов все же подвергся критике П. Гордиенко. Старый большевик выдернул из контекста очерка «Алтайская школа – врасплох» одно рассуждение – о пагубности для

здоровья резкого перехода детей из айлов в условия школьных интернатов – и обрушился на «галопом проскакавшего в горах Алтая» Стонова с обвинениями в «грубейших, недопустимых утверждениях» [7. С. 6].

Показателен для литературного быта той поры другой отзыв на книгу Стонова [14. С. 147–148]. Рецензент общий уровень очерковой литературы оценивает довольно низко, считая, что писатели зачастую спекулируют на актуальности жанра, дают недоброкачественную продукцию «с минимальным привлечением материала», приспособливают материал к определенным литературным традициям, соответственно «деформируя» его, это снижает «политическую действительность очерков, организующую читателя в нужном направлении». Рамм считает, что легче всего такой «порче» поддается очерк, когда писатель орудует с «необычным» материалом. Книга Стонова «Повести об Алтае» используется для иллюстрации последнего утверждения. Не отказывая писателю в добросовестном изучении материала и довольно высоком эстетическом уровне созданного им текста, критик ставит ему в вину «лирический тон» повествования, неизбежно снижающий политическую значимость материала. Рецензент противоречит самому себе, говоря в заключение, что книга добросовестно сработана, что она будет полезна читателю своими сведениями об Алтае, «столь скудно освещенном в нашей литературе».

Последнее утверждение можно считать общим местом всех книг о Горном Алтае 1920-х годов. Рассмотренные нами очерки, вышедшие только в течение одного 1930 г., позволяют констатировать противоположное: никакая другая национально-административная единица Сибири, никакой другой ее коренной и малочисленный народ не были в течение 8 лет существования СССР

освещены столь полно. Ойротия предстает в литературе и СМИ своеобразным экспериментальным полигоном для изучения и описания советской восточной национальной окраины, идущей в светлое будущее.

Литература

1. Панченко А.М. О топике культуры // Панченко А.М. Русская история и культура. Работы разных лет. СПб., 1999. С. 231–244.
2. Шастина Т.П. Алтайские горы в описании путешествий Г.И. Спасского («Сибирский Вестник») // Мир науки, культуры, образования. 2011. № 6. С. 20–24.
3. Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939 / Пер. с англ. М., 2011.
4. Рихтер З. В стране голубых озер (очерки Алтая). М., 1930. 157 с.
5. Стонов Д. Повести об Алтае. М., 1930. 297 с.
6. Шкапская М. В плетеном коробке // Шкапская М.В. Сама по себе. Л., 1930. С. 267–288.
7. Гордиенко П.Я. Ойротия. Новосибирск, 1931. 144 с.
8. Грякалова Н.Ю. Шкапская М.М. // Русская литература XX века: Прозаики, поэты, драматурги / Под ред. Н.Н. Скотова. Т. 3. М., 2005. С. 728–729.
9. Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении / Под общей ред. П.П. Семенова. Т. XI: Западная Сибирь. СПб., 1884.
10. Несказочная проза алтайцев / Сост. Н.Р. Ойроткина, И.Б. Шинжин, К.В. Яданова, Е.Е. Ямаева. Новосибирск, 2011. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т.30).
11. Самаев Г.П. Горный Алтай в XVII – середине XIX в.: проблемы политической истории и присоединения к России. Горно-Алтайск, 1991.
12. Слезкин Ю.Л. Арктические зеркала. М., 2008.
13. Сапожников В.В. Пути по русскому Алтаю. Томск, 1912.
14. Рамм Е. Дмитрий Стонов. Повести об Алтае // Красная Новь. 1930. № 11. С. 147–148.

УДК 070:93/94

Ю.А. Ястремская

Шадринский государственный педагогический институт

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ PROVINCIALНОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ НАЧАЛА XX ВЕКА (на примере газеты «Трудовая правда», г. Шадринск)

В статье рассматривается предпринятая редактором уездной газеты в начале XX века попытка формулирования профессиональной ориентации внештатных корреспондентов провинциальных газет. Как показывает анализ, основные принципы работы деревенских корреспондентов, оформленные столетие назад, актуальны и сегодня.

Ключевые слова: профессиональные ценности, провинциальная журналистика, деревенский корреспондент.

Yastremskaya Yulia A.

PROFESSIONAL VALUES OF THE PROVINCIAL JOURNALISM BEGINNING OF THE XX CENTURY (on the example of the newspaper «Trudovaya Pravda», Shadrinsk)

In the article the editor of the county newspaper undertaken in the early twentieth century attempt to formulate professional guidance freelance journalists provincial newspapers. The analysis